

4. Первобытное общество. Основные проблемы развития ; отв. ред. А. И. Першиц. – М. : Наука, 1975. – 288 с.

5. Кулаков, И. Д. А. А. Богданов и проблема развития общественного социума / И. Д. Кулаков // Философы XX века : XII Республиканские чтения ; сост. В. С. Вязовкин. – Минск : РИВШ, 2007. – С. 94–95.

Ф. ЭНГЕЛЬС, Г. ПЛЕХАНОВ И В. ЛЕНИН: КАК ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СТАЛА ВОЗМОЖНОЙ

А. Ю. Опарин

Ф. Энгельс – выдающийся германский мыслитель и политический деятель, друг и соратник К. Маркса. И хотя сам Энгельс всегда признавал приоритет своего друга в научных и политических делах, его роль в том, что Октябрьская революция стала возможной, неоценима, хотя и не так очевидна. Тем более, что воздействие это не было непосредственным, «медиумами» энгельсовских идей для нее выступили Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Многие в 1917 г. обвиняли Ленина в предательстве Плеханова («У Христа был только один Иуда, а среди учеников Плеханова их было много», – заявил на похоронах Плеханова меньшевик Л. Дейч [1, с. 54]), однако их совместная заслуга в адаптации марксистского учения к российским условиям и превращение революционной теории в русскую революционную практику бесспорна. Плеханов своими теоретическими работами вооружил русских революционных «максималистов» (А. Грамши так перевел на итальянский язык термин «большевики»), Ленин же, в свою очередь, как их лидер, превратил теоретические концепции Плеханова в основание для своего радикального политического активизма.

Речь шла о сложных концептуальных отношениях между базисом (материальным производством и возникающими, в связи с этим, экономическими отношениями) и надстройкой (где сплетены политика, идеология и культура, а также реакции людей на обстоятельства их жизни, специфику и условия материального производства и сложившиеся экономические отношения), а точнее – о порядке их взаимодействия. Могут ли надстроечные факторы оказывать сколь-нибудь значительное влияние на базис, и где пределы этого влияния? В конечном счете, вопрос состоял в том, можно ли преобразовать экономический фундамент общественной жизни, или хотя бы запустить процесс трансформации, *политически и идеологически?*

Как известно, упрощенное понимание концепции Маркса и Энгельса в конце концов привело к тому, что экономический детерминизм как одно из возможных прочтений их теории стал наиболее влиятельным во время существования II Коминтерна (1889–1914 гг.). Однако это скорее вело к

политическому созерцанию, чем к активной антикапиталистической деятельности: «зачем нужны индивидуальные действия, если капиталистическая система готова рухнуть под тяжестью своих собственных структурных противоречий?» [5, с. 162]. Что, разумеется, шло вразрез с практической ориентированностью учения классиков марксизма, ставя под сомнение главный – 11-й – из «Тезисов о Фейербахе».

В последующем, уже после кончины Маркса, Энгельс часть вины за вульгаризацию марксизма возложил на них самих, утверждая, что они – ради закрепления основного своего «монистического» принципа, обеспечивающего целостность всей их социально-философской системы – вынуждены были постоянно педалировать исключительную роль экономического фактора [2, с. 539]. В результате отношения базиса и надстройки у классиков марксизма получили только самый общий и в недостаточной степени прописанный характер. И Энгельсу пришлось вносить коррективы в получившую распространение схему общественных отношений, объясняя, что экономический фактор является определяющим лишь в «конечном счете», и что он вовсе не является единственным. «Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй, <...> правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм...», – разъясняет Энгельс в письме Й. Блоху [2, с. 537–538]. «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *причиной*, что *только* оно является *активным*, а все остальное – лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь», – продолжает он эту же тему в письме В. Боргиусу [2, с. 555].

Плеханов в своей работе «Основные вопросы марксизма» также обратился к проблеме взаимоотношений базиса и надстройки, значительно дополнив и развив ее. Им была сформулирована «пятичленка», которая определяет иерархию факторов и выделяет последовательные ступени, выстроенные по степени изменения их влияния на жизнь общества. «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса–Энгельса на отношение знаменитого теперь "основания" к не менее знаменитой "надстройке", то у нас получилось бы вот что: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные ими экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной "экономической основе"; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой

психики» [4, с. 179–180].

При том, что Плеханов до того уже несколько раз обращался к проблеме движущих сил социальной динамики. В итоге, вместо эклектичного набора факторов, параллельно и непосредственно влияющих на социальные процессы в обществе, он предложил иерархически выстроенную строгую стратифицированную систему. Экономика и экономические отношения – в базисе, но их воздействие на явления духовной жизни сказывается только через ряд посредствующих звеньев; они лишь *в конечном счете*, а не непосредственно определяют надстроечные явления. Кроме того, формула подразумевает взаимосвязь этих факторов друг с другом, равно как взаимосвязь различных сфер и форм духовной деятельности. «Надо от экономики уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий», – пишет он [3, с. 247]. Согласно этой формуле организовано также и обратное воздействие: идеологии на общественную психологию, далее – на форму общества, и, в конечном счете – на экономическую основу. Наконец, им была предложена и новая классификация идеологических структур: «идеологии первого порядка» – право и политика, которые непосредственно отражают базис общества и столь же непосредственно на него воздействуют; «идеологии второго» (наука, мораль) и «третьего» (религия, философия, искусство) порядка отражают базис опосредованно и так же опосредованно оказывают обратное влияние.

В итоге, гипотезой захвативших осенью 1917 г. власть сторонников РСДРП(б) стала именно это предположение Плеханова о возможности непосредственно политико-правового влияния на экономический порядок – не только в тот момент не социалистический, но еще и не вполне буржуазный; гипотеза, которую они попытались доказать *на практике*. При этом государственная власть, на которую нацелился Ленин, открывала доступ не только к институтам «идеологий первого порядка», она открывала доступ и к другим институтам – общественной культуры, убеждения и пропаганды: школам, вузам и СМИ, – позволявшим влиять на «психику общественного человека» и так постепенно изменять «форму общества», через революционную трансформацию людей трансформируя способ хозяйствования, т. е. экономику в целом. Иными словами, русские коммунисты, блокировавшиеся вокруг Ленина, воспользовались теоретическими допущениями, предоставленными им Плехановым, чтобы посредством политической власти прийти к «революционной гегемонии», основанной не только на принуждении, но и на согласии, обеспеченном идеологическими аппаратами и возможными «обратными связями» плехановской «пятичленки». К которым сам Плеханов, в свою очередь, пришел, признав уместность и справедливость внесенных Энгельсом в

марксистскую теорию уточнений.

Литература и источники

1. Кулегин, А. М. «...Умер Плеханов. Его съела родина...» / А. Кулегин // «Дилетант». – 2024. – № 106. – С. 50–55.
2. Маркс, К. Избранные произведения : в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1985. – Т. 3. – 639 с.
3. Плеханов, Г. В. О материалистическом понимании истории / Г. В. Плеханов // Избр. философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1956–1958. – Т. 2. – 1956. – С. 236–266.
4. Плеханов, Г. В. Основные вопросы марксизма / Г. В. Плеханов // Избр. философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1956–1958. – Т. 3. – 1957. – С. 124–196.
5. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер ; пер. с англ. А. Бойков, А. Лисицына. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.

«ИССЛЕДОВАТЬ ДВИЖУЩИЕ ПРИЧИНЫ ИСТОРИИ»: ИЗ ПЕРЕПИСКИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

О. А. Павловская

Происходящие в современном обществе трансформационные процессы все очевиднее свидетельствуют о теоретической конструктивности и практической значимости методологического потенциала марксистской теории материалистического понимания истории. Однако в адрес этой теории было выпущено немало критических стрел, как во времена ее создания, так и в высказываниях современных ученых.

В своих письмах Ф. Энгельс, отстаивая истинную суть этого учения, предупреждает об опасности поверхностного понимания истории [1, с. 492], состояния «мнимоченого чванства так называемых образованных» [2, с. 511]. Он также упрекает многих новых «марксистов» в недостаточном освоении данной теории, ее поспешном, необдуманном применении, «ведь благодаря этому также возникла удивительная путаница» [3, с. 514].

В свое время, отвечая на критические высказывания в адрес марксизма, Ф. Энгельс заметил: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную